HETEROGLOSSIA (11)
Studia kulturoznawczo-filologiczne
www.wsg.byd.pl
Wydawnictwo Uczelniane Wyższej Szkoły Gospodarki, 2021

ORCID - 0000-0001-9435-0615
ORCID - 0000-0001-7957-3378

Viktor Sarancha
Viktoriia Shabunina
Kremenchuk Mykhailo Ostrohradskyi National University
(Национальный университет имени Михаила Остроградского)

Трансформация социокультурных процессов и общественных взглядов провинциального общества под влиянием Первой мировой войны (на примере Полтавской губернии)

Первая мировая война по праву считается прологом XX века. Успех в ней зависел от умения установить жесткое и эффективное взаимодействие между государством и обществом, городом и деревней, фронтом и тылом и так далее. Следствием событий 1914–1918 гг. стало падение четырех континентальных империй – Австро-Венгерской, Германской, Османской и Российской, но и государства-победители в своем дальнейшем развитии использовали аккумулированный опыт мировой войны.

Повседневная социокультурная жизнь тыловых украинских губерний во время Первой мировой войны является малоисследованной страницей истории. Изучение явлений, которые возникли во время Великой войны 1914–1918 гг., исследование их влияния на фундаментальные изменения в общественно-политической, экономической и культурной жизни заслуживают особого внимания. В течение длительного времени развитие провинциальных социумов на фоне глобальных трансформаций оставалось вне поля зрения исследователей. В этом контексте особую научную ценность приобретают региональные студии по проблематике Первой мировой войны с применением современной методологии.

«Культура войны» – одно из перспективных направлений историографии Первой мировой, которое, по убеждению А. Реента, представляет широкий спектр различных аспектов духовной жизни, возникших или претерпевших значительные изменения вследствие всепроникающего влияния войны на различные стороны жизни европейцев – образование, воспитание, семейные от-

ношения, прессу и книгопечатание, религию, формы коллективного и индивидуального быта, ценности[1].

Вопросам «культуры войны» и исторической памяти о Первой мировой войне посвящены публикации Н. Барановской[2], В. Боечко[3], О. Валион[4], Р. Голик[5], Е. Джумиги[6], П. Клищинского[7] и других.

В конце XIX – начале XX вв. общественное сознание населения Полтавщины представляло собой сложную систему идей, взглядов, настроений, сформированных под влиянием культурной традиции и модернизационных процессов. Среди значительной массы сельского населения царила корпоративно-сословная самоидентификация и связанная с ней индифферентность к социокультурной и политической жизни, которая ограничивалась прагматичной заинтересованностью в улучшении собственного социально-экономического положения. В то же время носителями оригинальных форм сознания были ярко выделявшиеся национальные и социальные группы – евреи, поляки, духовенство.

Элементы развития гражданского общества и более содержательные социальные настроения и ожидания наблюдались в больших городах губернии за счет относительной насыщенности информационного пространства. Важную роль в формировании культурных, общественных взглядов имела травма постреволюционного сознания, доминировавшая в провинциальном социуме в результате событий 1905–1907 гг.

Во время Великой войны крупнейшие города Полтавщины стали своеобразными ретрансляторами смоделированных по столичным образцам новых социальных отношений и ритуалов, откуда они передавались в другие регионы губернии. В тот период полтавские периферийные сообщества пополнялись за

---

1 Реєнт О. Україна між світовими війнами (1914–1939): події, люди, документи: нариси історії: навч. пос., К, 2004, с. 21.

2 Барановська Н. М. *Вплив Першої світової війни на зростання української національної свідомості та революційні процеси в Україні (1917-1918 рр.)*, «Військово-науковий вісник», 2014, вип. 22, с. 79–93.

3 Боєчко В. Ф. *Активізація польських національних сил у період Першої світової війни (1914-1918 рр.) та відродження незалежної Польщі*, «Наукові праці Чорноморського державного університету імені Петра Могили», сер.: Історія, 2012, т. 207, вип. 195, с. 40–48.

4 Валіон О. *Перша світова війна в історичній пам'яті людства*. Матеріали круглого столу (м. Тернопіль, 24 вересня 2014 р.), «Україна-Європа-Світ», серія : Історія, міжнародні відносини, 2014, вип. 14, с. 362–367.

5 Голик Р. *Сльози й кості: Перша світова війна у текстах та уявленнях галицьких селян*, «Народознавчі зошити», серія філологічна, 2014, № 3, с. 494–501.

6 Джумига Є. Ю. *Чутки як ментальна складова повсякденного життя мешканців Одеси в період Першої світової війни (1914–1917 рр)*, «Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету», 2013, вип. 35, с. 98–101.

7 Кліщинський П. В. *Роль преси у формуванні «образу ворога» у свідомості населення Правобережної України під час Першої світової війни*, «Вісник Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка», 2013, вип. 6, с. 161–171.

счет раненых и больных воинов, беженцев и военнопленных, что приводило к диверсификации поведенческих практик и влияло на мировоззрение и общественные настроения.

Война с первых дней стала основной темой провинциальной жизни, но ее восприятие было неоднозначным – от эйфории и патриотического подъема до страха перед будущим. Мировая война внесла в провинциальный социум ощущение соучастия в больших событиях европейской важности, что подкреплялось ее определениями в прессе – Великая война, II Отечественная и даже Великая Отечественная. Стоит отметить, что именно пресса стала основным источником формирования образа войны среди образованных слоев населения на ее первом этапе.

Уже в начале войны анонсировалась ее уникальность для Европы и России, которая должна была выйти из этой битвы обновленной – с новыми интеллигенцией, самосознанием, бытом. Восприятие всеобъемлющего характера войны вызывало в интеллигентских кругах рефлексивные противоречия относительно участия в ней, уровня патриотизма и так далее. Главным нарративом этого периода стала идея политического и национального единения, когда вместо «русского человека», «поистине русского человека», еврея и армянина на исторической арене появляется «российский гражданин». Стоит отметить, что события начала войны вызвали эйфорию, схожую с той, что царила в обществе в начале 1860-х годов после отмены крепостного права[8].

В провинциальной периодике активно формировался образ врага. Уже в августе-сентябре 1914 г. на ее страницах была объявлена идеологическая война всему немецкому. В тот период в «Полтавских епархиальных ведомостях» печатались «документальные подтверждения» дехристианизации Германии. Разрушенные немецкими пушками храмы, расстрелянные беззащитные мирные жители, пьяные орды немецких солдат-насильников должны были дать читателю однозначный ответ, являются ли немцы христианами. Своеобразной квинтэссенцией восприятия врага стали слова из письма солдата-добровольца: «люди делятся на людей и немцев»[9].

Стоит отметить, что образ немца-врага неоднозначно воспринимался среди населения Полтавщины. Антинемецкие настроения охватили крупные города губернии, тогда как в уездах с компактным проживанием большого количества немцев они имели исключительно социально-экономические оттенки. Австро-Венгрия воспринималась как слепая исполнительница воли Вильгельма II и угнетательница славянских народов. К самим австрийским славянам отношение было в целом положительное, зато вероятность их участия в боевых действиях против российской армии воспринималась довольно болезненно.

---

8 «Хуторянин», Полтава, № 35, 1914.

9 «Полтавские епархиальные ведомости», Полтава, № 36, № 42-43, № 49, № 50, 1914.

На страницы газет и журналов часто попадали случаи ситуативного негативного восприятия лиц немецкой национальности. Во время погребения погибшего на войне земляка в селе Соколке Кобелякского уезда заметили немку с Хортицы, которая вышла замуж за местного жителя. Упитанная, красная, несимпатичная, располневшая на местных хлебах, скандальная особа, которая восхваляла немецкого императора, – таким рисует ее образ присутствующий на похоронах журналист. Он не верит в искренность ее скорби по погибшему и задается вопросом: «Не пойдут ли после войны славные потомки казаков искать землю в Сибирь, а немцы будут сеять в Запорожье хлеб?»[10].

В то же время руководство Киевского военного округа отмечало наличие среди цензоров большого количества германофилов, которые не допускали к печати материалы о неблаговидных поступках немцев и даже в личных письмах вычеркивали неприятные для них фрагменты. Кроме того, антинемецкая пропаганда часто имела противоположный эффект и воспринималась, в первую очередь, полтавским крестьянством как свидетельство преимущества «немецких порядков» над российскими[11].

Достаточно сложным был процесс создания положительного образа союзников. Галомания XVIII – начала XIX вв. нивелировалась войнами 1812 и 1853–1856 гг., а дух реваншизма, распространенный во Франции после ее поражения в 1871 г., делал ее достаточно опасным союзником. В подобном русле воспринималась в общественном сознании и Англия – традиционная соперница России в Центральной Азии в XIX в. Наиболее положительными для восприятия населением странами-союзницами были Бельгия и Сербия – первые жертвы австро-немецкой агрессии.

Не последнюю роль в восприятии войны играли мистические настроения и слухи, присущие традиционному обществу, в котором модернизационные процессы только начали входить в повседневную жизнь. Предчувствие войны царило среди просвещенных слоев населения с начала XX в., а события на Балканах 1912–1913 гг. показали направление, откуда можно ожидать угрозу общеевропейскому покою. В то же время тревожные настроения в провинциальном обществе формировались за счет необычных природных явлений, событий и слухов. Появление кометы Галлея, которую население Полтавщины наблюдало в 1910 г., стало поводом к распространению апокалиптических настроений, связанных с большой войной. Поздняя осень 1913 г. была настолько теплой, что в начале декабря возобновили навигацию на Днепре. Новый 1914 год для еврейской общины Кременчуга начался с похорон свитков Торы, которые сгорели во время пожара в Великой хоральной синагоге[12].

---

10 «Полтавские епархиальные ведомости», Полтава, № 6, 1915.

11 Державний архів Полтавської області, Ф.764 Кременчуцька міська поліція, м. Кременчук Кременчуцького повіту Полтавської губернії, 1858–1916 рр., оп. 1, спр. 2. Про діяльність військової цензури в м. Кременчуці липень 1914–грудень 1916, 1914–1917 рр., арк.196.

12 «Приднепровский голос», Кременчуг, 1914, № 497; «Раннее утро», Москва, номера от 01.02.1914, 11.07.1914; «Утро», Харьков, номер от 25.11.1913.

В период войны из-за нехватки официальной информации в провинциальном обществе циркулировали слухи о перераспределении помещичьих и удельных земель, ликвидации немецкого землевладения, что позже частично подтвердилось на законодательном уровне. Уже в начале войны в селах Полтавщины распространялись слухи о грядущем поражении России, источниками возникновения которых были германофилы – подданные Центральных держав, этнические немцы, евреи, деятели украинского движения, а позже раненые солдаты, беженцы, военнопленные и другие. В августе 1914 г. в Зеньковском уезде ходили слухи о скором прибытии туда австрийской армии и ее победе над Россией. Источником этих слухов было письмо земляка, который дезертировал еще в 1912 г. в Австро-Венгрию во время прохождения военной службы[13].

Рождественские праздники в общественном сознании населения провинциального социума имели символическое значение, связанное с подведением итогов уходящего года и определением новых ожиданий. В тот период произошли первые травмы в общественном сознании. Война не закончилась, а новый 1915 год встречался с грустью и тревогой за близких, а часто и в трауре по погибшим[14].

В этот период в интеллигентских кругах война воспринималась как основной фактор объединения прогрессивных сил общества. Она должна была освободить общество от экономического и духовного «немецкого засилья» и стать катализатором на пути мирного развития и установления новых порядков в Российской империи. Понимание необходимости кардинальной перестройки политической, социально-экономической, национальной жизни привело к мысли о природе революционных и эволюционных преобразований. В начале 1915 г. революционный путь образца 1905 г. казался ложным, тогда как построение новой России за счет единения, любви и согласия – единственным возможным вариантом. Таким образом, война представлялась исключительно в идеализированном виде, а консолидирующий аспект 1914 г. гиперболизировался и не подвергался критическому анализу[15].

Со второй половины 1915 г. на фоне военных неудач, экономических проблем и появления в регионе значительного количества беженцев произошел сдвиг в общественном сознании в сторону падения патриотизма и рост критического восприятия действительности. Обострение тревожных настроений наблюдалось в августе 1915 г. Реакцией на них стало официальное воззвание

---

[13] Державний архів Полтавської області, Ф.138 Прокурор Полтавського окружного суду, м. Полтава Полтавської губернії. 1890–1919 рр., оп. 1. Спр. 552. Спостережна справа по звинуваченню Бутенко Луки Івановича в антиурядових висловлюваннях, 1914 р., арк.5.

[14] «Хуторянин», Полтава, № 52, 1914 г.; № 1, 1915.

[15] Ф.764 Кременчуцька міська поліція, м. Кременчук Кременчуцького повіту Полтавської губернії, 1858–1916 рр., оп. 1, спр. 2 Про діяльність військової цензури в м. Кременчуці, липень 1914–грудень 1916, 1914–1917 рр., арк. 250.

А. Багговута к населению Полтавщины, в котором он убеждал в невозможности захвата врагом территории губернии[16].

Досрочный роспуск Государственной Думы в сентябре 1915 г. не имел существенного влияния на мировоззренческие практики провинциального социума. Отношение населения Полтавщины к центральным органам власти носило исключительно потребительский характер, связанный с принятием мер по борьбе с дороговизной. В то же время земские органы ретранслировали мысли, высказанные на съезде Всероссийского земского союза, о необходимости завершения войны только после окончательной победы над врагом. С другой стороны, по мнению земской интеллигенции, только единение обновленной власти с Государственной Думой должно было стать залогом доведения войны до победного конца.

Рождество 1915 г. сопровождалось пониманием отсутствия перспектив скорого прекращения вооруженного конфликта и ощущением разрушения принципов цивилизованности и гуманизма, на смену которым пришло варварство. Новое сознание провинциальных обывателей формировали сообщения как о мужестве и героизме на фронтах, так и о применении разрывных пуль, ядовитых газов, насилия и убийства в отношении мирного населения. В этот период на смену манифестациям и богослужениям пришла повседневная помощь беженцам, раненым и больным воинам, вдовам и детям-сиротам[17].

Ощущение глобальности катастрофы привело к мысли о необходимости построения системы международных отношений, которая предотвратила бы подобные столкновения в будущем. В то же время на страницах региональной прессы все чаще появлялись публикации, в которых подвергалась критике внутренняя дезорганизация хозяйственной жизни, из-за которой Россия проигрывает войну Германии. На примере препятствий, которые встречались на пути объединения кооперативов Полтавщины, было высказано мнение, что государство не стремится к объединению свободных инициативных граждан, а предпочитает иметь дело с разрозненными толпами обывателей, которых можно объединять ситуативно, манипулируя их сознанием[18].

Через два года войны четко обозначились главные проблемы внутренней жизни страны. В течение 1916 г. в общественных настроениях появились новые мотивы. Анализируя их, можно говорить об остроте восприятия населением кризиса государственной системы, которая стала особенно ощутимой накануне Февральской революции. «Брусиловский прорыв» с его огромными человеческими потерями и безрезультатностью, с точки зрения военно-политических последствий, окончательно разбалансировал систему общественных ожиданий[19].

---

16 «Полтавские губернские ведомости», Полтава, 1915, № 68.

17 «Хуторянин», Полтава, 1915, № 52.

18 Там же.

19 «Хуторянин», Полтава, 1916, № 52.

В центре внимания обывателей, в первую очередь городского населения, оказались бытовые трудности. Они оттеснили на второй план интерес к ходу боевых действий. Жандармское управление Полтавской губернии пришло к выводу, что недостаток необходимых продуктов и товаров, постоянный рост цен на предметы первой необходимости и жилье, а также подобный бытовой беспорядок стали причиной снижения интенсивности в деле оказания общественной помощи государству. Разрушение надежд на скорое окончание войны и ее трансформация в длительный, болезненный процесс уничтожения человеческих и материальных ресурсов создали в государстве новую ситуацию, при которой на первый план вышли социально-экономические проблемы.

Накануне революции все более ощущались пессимизм и потеря надежд на послевоенное решение насущных проблем в общественно-политической жизни страны. Такие настроения охватили широкие слои провинциального социума. В своих поздравлениях с новым 1916 годом журнал «Хуторянин» рисует апокалиптические картины, лишенные веры в прогресс, – основной фетиш конца XIX – начала XX вв. Большая европейская война сравнивается с возвращением в доисторическую эпоху, где по небу летают чудовища-драконы, моря-океаны наполнены ужасными существами, а по суше движутся ихтиозавры. Современный военный пейзаж не отличается от доисторического – в небе цеппелины и аэропланы, в морях субмарины, на суше танки, и среди этого ада, кажется, нет места человеку, но он живет, борется за существование и верит в собственные силы[20].

Осенью 1916 г. на Полтавщине наблюдалась полная атомизация общественно-политической жизни. Спектр политических предпочтений интеллигентских слоев населения остался в довоенном состоянии. Большинство представителей духовенства придерживалось правых взглядов, остальные оставались максимально близкими к идеологии партии конституционных демократов. Значительная часть дворян была сторонниками правых взглядов и партии октябристов[21]. Активизация политической жизни в столице в конце 1916 г. не отразилась на Полтавщине, до Февральской революции 1917 г. значительная часть местной элиты была лишена каких-либо признаков оппозиционности.

В конце 1916 г. среди малоимущих слоев крестьянства наблюдались равнодушие и апатия к происходящим событиям, если они не касались их лично. Объединяющей мотивацией для всех групп населения губернии стало стремление любым способом уклониться от призыва в армию. Основным легальным способом добиться этого оставалось трудоустройство на оборонное предприятие или на строительство железной дороги[22].

---

[20] «Хуторянин», Полтава, 1916, № 1.

[21] Державний архів Полтавської області, Ф.83 Канцелярія Полтавського цивільного губернатора, м. Полтава Полтавської губернії, 1847–1918 рр., оп.1, спр.147 Відомості про політичне і загальне положення в Костянтиноградському повіті, 1916 р., арк. 2,3.

[22] Там же, л. 2-4.

Стоит отметить, что в этот период изменилось и само отношение общества к уклонению от призыва. На патриотической волне 1914 г. с Полтавщины мобилизовали весь профессиональный резерв армии, который понес значительные потери в боевых кампаниях 1914 г., в наступательных боях на Золотой и Гнилой Липах. Такие же последствия имели и неудачные кампании 1915 г. с колоссальными потерями военных частей, в которых служили полтавчане.

Пацифистские настроения не находили поддержки в интеллигентских кругах и среди широких слоев населения, а главным способом завершения войны считалась победа над врагом. В то же время лица, уклонявшиеся от призыва незаконным способом, находились в состоянии перманентного стресса и не разделяли подобных мыслей. Признаков возможных волнений на почве недовольства не наблюдалось, но на фоне дороговизны и дефицита товаров власть предполагала локальные выступления. Поэтому в местах скопления населения, особенно на рынках, ярмарках, работали полицейские наблюдатели[23].

Сформированные в начале войны «горизонты надежд» различных социальных групп дополнились экономическими составляющими. Приходские священники, народные учителя, бедное крестьянство во время войны оказались на социальном дне. Духовенство же стремилось оживить приходскую жизнь, вернуть к религиозности широкие слои населения, а также надеялось на окончательный запрет продажи алкоголя. Крестьянство, которое дало наибольшее количество воинов на фронты Великой войны, надеялось на справедливое решение земельного вопроса, а интеллигенция – на послевоенное решение национального и ряда социальных вопросов.

Отношение к органам местной власти колебалось от доброжелательности к полной индифферентности, за исключением жандармской и конной полиции, которые вызывали негативные эмоции среди широких слоев населения. Основной причиной таких настроений было освобождение этих категорий от мобилизации, что не укладывалось в представление о социальной справедливости[24].

Кризисные явления в социально-экономической жизни провинциального общества во время войны усложнили процессы социальной адаптации, первичной и вторичной социализации, что привело к десоциализации, девиантному и делинквентному поведению, девальвации прежних систем ценностей, потери нравственных ориентиров и черт национального характера. Следствием этих процессов стала социальная маргинализация населения, в первую очередь, в городах Полтавской губернии, особенно в местах компактной дислокации большого количества военнослужащих, за счет специфичности их социального поведения.

[23] Там же, л. 4, 4 н., 5.

[24] Державний архів Полтавської області, Ф.83 Канцелярія Полтавського цивільного губернатора, м. Полтава Полтавської губернії, 1847–1918 рр., оп.1, спр.147 Відомості про політичне і загальне положення в Костянтиноградському повіті, 1916 р., арк. 3.

В течение войны за счет беженцев и военнопленных появлялось альтернативное предложение на рынке труда, что иногда вызывало конфликтные ситуации, имевшие место и в довоенный период. С осени 1914 г. в губернии функционировал нелегальный рынок алкоголя и его суррогатов, активизировалась покупка-продажа военной одежды и оружия. В городах Полтавщины росло количество подпольных притонов, в которых продавали алкоголь, играли в карты и содержали проституток. Специфическими для военного времени преступлениями стали сокрытие золотых и серебряных монет, продажа цветного металла, выплавленного из патронов, незаконные услуги по освобождению от военной службы путем членовредительства, должностных преступлений, эмиграции и тому подобное.

С конца 1915 г. война стала лишь явлением, на фоне которого случались все неурядицы в экономической жизни. Осенью 1915 г. земства поднимают вопрос об уместности активного распространения на селе телеграмм Петроградского телеграфного агентства. В условиях экономического выживания провинциальное общество охватывает сплошная апатия и индифферентность, в том числе и к проблемам беженцев, семей мобилизованных, благотворительной помощи воинам на фронте.

Нарушение моральных устоев и сведение религиозной жизни к обрядности побудили церковь к активной пропагандистской работе. Попытки налаживания социального партнерства между правительством и буржуазией рухнули, но в провинциальном обществе эти процессы не имели большого резонанса. В 1914–1916 гг. обострилось негативное восприятие образа Николая II, который не соответствовал крестьянскому представлению об «идеальном царе» еще до начала Великой войны. Кризисные явления в государстве привели к десакрализации царской власти и ее последующей ликвидации.

Авторитет местных земледельческих и торгово-промышленных элит был подорван дороговизной на товары первой необходимости, за счет которой они увеличивали свое состояние. Обострение конфликтов на экономической почве изменило вектор поиска внутреннего врага – вместо немцев ими были объявлены евреи, торговцы и спекулянты. Протестные настроения активно поддерживались региональной прессой и действиями органов местного самоуправления.

С помощью прессы, которая критиковала городские органы самоуправления за инертность в деле борьбы с дороговизной, происходила их дискредитация в глазах обывателей, что позже проявилось в революционный период, когда часто в провинциальных городах большим доверием пользовались советы депутатов.

Война обострила ряд вопросов и противоречий не только в политической и экономической жизни провинциального общества, но и в социокультурной сфере.

Культурная жизнь Полтавщины в начале XX в. отличалась широким спектром разнообразных практик: от народно-обрядовых до урбанистически модернистских. В течение 1914–1917 гг. под влиянием Первой мировой войны сформировалась новая социокультурная среда; война находила свое отражение в духовной жизни населения Полтавщины, культуре, спорте и так далее.

В первые месяцы войны можно было наблюдать эйфорию от одновременного «отрезвления» провинциальной жизни, которая приобрела новое экономическое и духовное содержание. По подсчетам земских статистиков, небольшое полтавское село тратило на алкогольные напитки 5-6 тысяч рублей в год, а в первые три месяца «сухого закона» было зафиксировано увеличение сбережений, рост потребления чая, сахара и мяса. Культурно-духовные потребности села стали одной из главных проблем земской и епархиальной периодики. Низкая информативность писем с фронта увеличивала спрос на печатные издания; земства расширяли ассортимент библиотек-читален, открывали дополнительные курсы грамотности для взрослых.

Наличие дополнительных средств позволило крестьянским семьям осуществлять регулярные поездки в города, посещать кинематографы, покупать музыкальные инструменты, граммофоны и тому подобное. Запрет на продажу крепкого алкоголя привел к перепрофилированию части заведений, однако в новых условиях по итогам 1914 г. кременчугский Городской сад остался без прибыли[25].

На первом этапе войны неординарность события, появление свободного времени и средств в связи с запретом продажи алкогольных напитков вызвали в селах спрос на новые формы организации досуга: чтение, лекции, музыкальные вечера, киносеансы и тому подобное. На земских собраниях поднимались вопросы о необходимости принятия срочных решений с целью ликвидации «духовного голода» села. Одним из таких решений стала программа строительства народных домов, рассчитанная до 1928 года.

С целью привлечения широких слоев населения к достижениям культурного наследия и распространения научных знаний в Полтаве функционировал музей губернского земства. Его экспозиция состояла из естественно-исторического (1 446 экспонатов), историко-этнографического (559 экспонатов), археологического (548 экспонатов) и международного (396 экспонатов) отделов, а в его библиотеке находилось 419 книг. В 1915 г. музей посетило 27 499 человек, что на 25% превысило соответствующий показатель за предыдущий год. Этот факт объяснялся увеличением населения Полтавы за счет эвакуированных лиц и беженцев, а также повышением интереса к губернскому музею со стороны учебных заведений[26].

---

[25] «Приднепровский голос», Кременчуг, № 737, 1914 г.; № 824, 1915.

[26] Отчет Полтавской губернской земской управы за 1915 год, Полтава: Типо-литография И.Л. Фришберга, 1916, с. 37, 38.

В начале XX века в Российской империи столичные города начали терять монополию на установку памятников выдающимся политическим деятелям, писателям и поэтам. Примечательным событием для Полтавы и всего украинского общества стало открытие бюста И. Котляревского, автором которого был уроженец Хорольского уезда Полтавской губернии Л. Позен.

В феврале 1914 г. Лохвицкое уездное земство ходатайствовало о разрешении на проведение всероссийского сбора средств для сооружения памятника Г. Сковороде в Чернухах. Война помешала этим планам, а также внесла коррективы в установление в Полтаве памятника Н. Гоголю. Автором этого памятника был тот же Л. Позен, который должен был получить за выполнение заказа 10 000 рублей, но в 1915 г. он подарил свое произведение городу. По состоянию на 1914 г. к монтажу подготовили скульптуру и фундамент, но пьедестал, заказанный в Финляндии, во время войны так и не доставили в губернский центр[27]. Памятник великому земляку установили в советской Полтаве только в 1934 году.

Мировая война затормозила сбор средств на памятник Т. Шевченку в Киеве, активное участие в котором принимала и общественность Полтавщины. По состоянию на 01.01.1914 г. на памятник Кобзарю полтавчане собрали 48 831 рублей 31 копейку. Во время войны в результате тяжелого экономического положения значительно уменьшились пожертвования от частных лиц и учреждений в специальный фонд губернского земства, в частности в 1914 г. поступило 1 057 рублей 06 копеек, в 1915 – 105 рублей 40 копеек, а в 1916 – 12 рублей 56 копеек. В то же время поступления в фонд за счет дивидендов от ценных бумаг на протяжении 1914–1916 гг. составили 4 661 рубль 90 копеек[28].

В начале 1910-х гг. провинциальный театр вступил в острую фазу войны с кинематографом за зрителя. В 1914 г. Екатерининский театр Кременчуга, популярное культурное учреждение города в конце XIX – начале XX ст., был вынужден давать представления почти при пустом зрительном зале. В местной периодике одна за другой появлялись критические статьи, в которых журналисты пытались понять феномен триумфального шествия «мертвого экрана», убивающего театральное искусство. В этом же году в городе был открыт большой кинотеатр «Колизей», украшенный по последнему слову архитектуры и техники, который стал популярным местом отдыха различных слоев населения[29].

В губернском центре, несмотря на кризис театрального искусства, во время войны в парке Кобищанского общества проходили такие украинские спекта-

[27] Отчет Полтавской губернской земской управы за 1914 год, Полтава: Типо-литография И. Л. Фришберга, 1915, с. 221.

[28] Отчет Полтавской губернской земской управы за 1914 год, Полтава: Типо-литография И. Л. Фришберга, 1915, с. 220; Отчет Полтавской губернской земской управы за 1915 год, Полтава: Типо-литография И. Л. Фришберга, 1916, с. 218; Отчет Полтавской губернской земской управы за 1916 год, Полтава: Типо-литография И. Л. Фришберга, 1918, с. 194.

[29] «Приднепровский голос», Кременчуг, № 714, № 740, № 741, 1914.

кли, как «Умный и дурак», «Сватовство на вечеринках» и другие. Стоит отметить, что, в отличие от Кременчуга, где бурная ресторанно-кинематографическая жизнь продолжалась круглосуточно, Полтава имела более консервативный внешний вид. Первыми впечатлениями кременчугского журналиста, вернувшегося во время войны из командировки в Полтаву, были грязные и переполненные клопами номера в «лучших» отелях, безлюдные вечерние центральные улицы города, по которым прохаживались лишь единичные завернутые в шали «ночные дамы»[30].

Неизменным ритуалом начала театральных представлений и киносеансов в августе-декабре 1914 г. стало исполнение гимнов России и союзных государств. Репертуар кинотеатров, который в подавляющем большинстве состоял из фарсов, комедий и исторических драм, в 1914–1917 гг. был дополнен документальными военными хрониками и лентами агитационно-пропагандистского содержания (например, «Козьма Крючков»). В условиях тяжелого финансово-экономического положения государства твердыня консерватизма – Святейший Синод разрешил Государственному Банку на четвертой неделе Великого поста 1916 г., когда действовал запрет на функционирование развлекательных заведений, демонстрировать в кинотеатрах фильмы «Кубышка» и «Все для войны», пропагандировавшие новый военный кредит[31].

Наибольшие кассовые сборы давали разрекламированные «боевики экрана» вроде «Собаки Баскервилей» или кинокартин со специальными эффектами. Так, в кременчугском «Колизее» в 1916 г. демонстрировалась «говорящая и поющая» лента «Мировая война, или за Царя, Отечество и Славянство» и другие; проходили экспериментальные показы подкрашенных кинокартин[32].

Во время войны под сокрушительную критику местных журналистов попали новые инициативы «интимного» кинотеатра «Колизей», который, кроме фильмов, ввел в свой репертуар популярные среди столичной публики кабаре и дивертисмент. В то же время, начиная с открытия в 1914 г., в кинотеатре регулярно проводили благотворительные сеансы, в частности в пользу пострадавших в Польше, малоимущих учеников еврейских училищ, беженцев и так далее[33].

Кроме собственных развлекательных программ, в течение войны в «Колизее» проходили гастроли известных лекторов и артистов, приезжавших в Кременчуг. Повышенный интерес вызвали гастроли известного актера М. Дальского в составе петроградской театральной труппы, представившей публике актуальную пьесу «Позор Германии». В течение 1915–1916 гг. успехом у кре-

30 «Полтавский день», Полтава, номер от 31.07.1916 г.; «Приднепровский голос», Кременчуг, №1222, 1916.

31 Приднепровский голос», Кременчуг, № 1152, 1916.

32 «Приднепровский голос», Кременчуг, № 1192, 1916.

33 Там же, № 1149, № 1154, 1916.

менчужан пользовались лекции И. Василевского, концерт трагика Р. Адельгейма с участием американской певицы Б. Кроуфорд, скрипача-виртуоза А. Беркера, меццо-сопрано А. Власовой и композитора-пианиста А. Таскина. В 1916 г. с разрешения военной цензуры М. Кисельницкий провел в «Колизее» вечер-монолог на польском языке[34].

Цирковые представления были одними из самых популярных зрелищ в Российской империи. Накануне Великой войны в стране функционировало около 100 бродячих цирков, кроме того, небольшие группы жонглеров, акробатов и фокусников устраивали представления в селах на ярмарках. Во время войны в Полтаве на гастролях находился цирк Труцци, а накануне нового 1915 г. на Красной площади Кременчуга начала свои представления труппа А. Чинизелли[35].

17 января 1915 г. в цирке Чинизелли в Кременчуге состоялось открытие чемпионата по французской борьбе, организатором которого был известный в стране спортсмен и редактор журнала «Геркулес» И. Лебедев («дядя Ваня»). Среди участников соревнований были заявлены чемпион мира Розенталь, Штренге, Манько, Спуль, Андерсон, Вольфсон и другие, к которым присоединился местный любитель А. Богуславский. Второй этап чемпионата, организаторами которого выступили Э. Шлосс и Ж.-Л. Робер, состоялся в начале февраля 1915 г. Следует отметить, что, по подсчетам городских журналистов, январские кассовые сборы цирка, несмотря на чемпионат по борьбе, оказались низкими[36].

Вопрос о необходимости уделять как можно больше внимания физическому воспитанию молодежи поднимался в региональной периодике в первые месяцы войны. В это время в Кременчуге действовали любительские спортивные кружки при учебных заведениях, а в Полтаве с 1909 г. функционировало гимнастическое общество «Сокол», руководители которого жаловались на отсутствие поддержки со стороны общественности по такому важному делу, как допризывная подготовка[37]. В течение войны общество активизировало свою деятельность и 4 августа 1916 г. на спортплощадке сдали экзамены «Соколу» и получили аттестаты выпускники курсов допризывной подготовки юношей. В мае 1916 г. в Кременчуге состоялся подобный экзамен для воспитанников реального и коммерческого училищ, по итогам которого они получили соответствующие свидетельства, а четырем присвоено звание инструктора[38].

В начале 1910-х гг. на Полтавщине приобрел популярность футбол. Его официальный дебют в регионе связан с пятиминутным матчем между командами земского и реального училища во время празднования 200-летия Полтавской битвы в 1909 г. С 1912 г. проходили регулярные футбольные матчи между ко-

---

34 Там же, №1180, № 1188, 1916.

35 Там же, № 795, 1914.

36 «Приднепровский голос», Кременчуг, № 814, № 823, № 827, 1915.

37 «Полтавский день», Полтава, номер от 06.08.1916 г.

38 «Приднепровский голос», Кременчуг, № 1219, 1916.

мандами учебных заведений Кременчуга, которые продолжались и во время Первой мировой войны. В рамках чемпионата 1916 г. проводились матчи между кременчугскими командами «Приднепровская», «Орел», «Маяк», технического, реального и коммерческих училищ, сборной ПЩКФ (сёла Песчаное, Щербаки, Кияшки, Фудяки). 29 мая 1916 г. в Кобеляках состоялся благотворительный матч между местной сборной и кременчугским «Маяком», все сборы от которого – 136 рублей 24 копейки были переданы в общество Красного Креста[39].

Итак, повседневность для провинциального украинского социума в начале XX в. представляла собой сферу, где пересекались официальные, религиозные, социокультурные, праздничные и бытовые практики. Она не только предопределяла дифференциацию социальной жизни, но и была символом коллективного существования, за счет которого ослаблялась напряженность и конфликтность бытия. Модернизационные процессы вошли в жизнь крупнейших городских социумов Полтавщины, где сосуществовали с элементами традиционной культуры, присущей украинскому селу конца XIX – начала XX вв.

В условиях незавершенности модернизации замедлялся процесс самоидентификации украинского населения губернии, которая в дореволюционный период формировалась по сословно-профессиональным признакам. Во время войны усложнились отношения между личностью, обществом и государством. Военная атмосфера, новые черты повседневной жизни, изменения условий существования и социального окружения вызвали в провинциальном социуме переоценку ценностей и норм, восприятия себя как личности, а также отношения к местной и государственной власти.

В условиях военного времени сформировалась массовая культура, влияние которой распространялось на большую часть общества. Ее составляющими были кинематограф, в репертуар которого входили военная хроника, драма и трагедия; театральные постановки, в том числе классические и современные пьесы, водевили и фарсы; концертные и цирковые выступления. Во время войны в городах в сторону рекреативности снизилась просветительская функция культурных заведений, появились новые жанры – кабаре, дивертисмент, интимный театр и тому подобное. Особой популярностью пользовались лекции на актуальные общественно-политические темы, в сельской местности рос спрос на достижения духовной культуры.

Как и в довоенный период, спорт в провинциальном обществе не носил массовый характер и охватывал преимущественно учащуюся молодежь. Консерватизм старшего поколения проявлялся как в политических взглядах, так и в отношении к новым видам искусства, спорту, достижениям науки и техники, моде.

Ограниченность социально-культурных практик в большинстве регионов Полтавщины обусловлена мононациональностью и преимущественно земле-

[39] Там же.

дельческим характером занятий населения. В то же время Полтава и Кременчуг за счет более формальной институализации органов государственной власти, развития образования, информационной и транспортной инфраструктуры, национальной и профессиональной дифференциации населения представляли собой оригинальные локальные социумы.

Библиография

1. Барановська Н. М. *Вплив Першої світової війни на зростання української національної свідомості та революційні процеси в Україні (1917-1918 рр.)*, «Військово-науковий вісник», 2014, вип. 22, с. 79–93.
2. Боєчко В. Ф. *Активізація польських національних сил у період Першої світової війни (1914-1918 рр.) та відродження незалежної Польщі*, «Наукові праці Чорноморського державного університету імені Петра Могили», сер. : Історія, 2012, т. 207, вип. 195, с. 40–48.
3. Валіон О. *Перша світова війна в історичній пам'яті людства*. Матеріали круглого столу (м. Тернопіль, 24 вересня 2014 р.), «Україна-Європа-Світ»: міжнародний збірник наукових праць, серія : Історія, міжнародні відносини, 2014, вип. 14, с. 362–367.
4. Голик Р. *Сльози й кості: Перша світова війна у текстах та уявленнях галицьких селян*, «Народознавчі зошити», серія філологічна, 2014, № 3, с. 494–501.
5. Державний архів Полтавської області, Ф.138 Прокурор Полтавського окружного суду, м. Полтава Полтавської губернії, 1890–1919 рр., оп. 1., спр. 552 Спостережна справа по звинуваченню Бутенко Луки Івановича в антиурядових висловлюваннях, 1914 р., 20 арк.
6. Державний архів Полтавської області, Ф. 764 Кременчуцька міська поліція, м. Кременчук Кременчуцького повіту Полтавської губернії, 1858–1916 рр., оп. 1, спр. 2 Про діяльність військової цензури в м. Кременчуці, липень 1914–грудень 1916, 1914–1917 рр., 696 арк.
7. Державний архів Полтавської області, Ф. 83 Канцелярія Полтавського цивільного губернатора, м. Полтава Полтавської губернії, 1847–1918 рр., оп.1, спр.147 Відомості про політичне і загальне положення в Костянтиноградському повіті, 1916 р., 5 арк.
8. Джумига Є. Ю. *Чутки як ментальна складова повсякденного життя мешканців Одеси в період Першої світової війни (1914–1917 рр)*, «Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету», 2013, вип. 35, с. 98–101.
9. Кліщинський П. В. *Роль преси у формуванні «образу ворога» у свідомості населення Правобережної України під час Першої світової війни*, «Вісник Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка», історичні науки, 2013, вип. 6, с. 161–171.
10. Отчет Полтавской губернской земской управы за 1914 год, Полтава: Типолитография И. Л. Фришберга, 1915, 224 с.
11. Отчет Полтавской губернской земской управы за 1915 год, Полтава: Типолитография И. Л. Фришберга, 1916, 225 с.

12. Отчет Полтавской губернской земской управы за 1916 год, Полтава: Типо-литография И. Л. Фришберга, 1918, 224 с.
13. «Полтавские губернские ведомости», Полтава, июль-декабрь 1914 г., январь-декабрь 1915 г., январь-декабрь 1916 г., январь-февраль 1917 г.
14. «Полтавские епархиальные ведомости», Полтава, июль-декабрь 1914 г., январь-декабрь 1915 г., январь-декабрь 1916 г., январь-февраль 1917 г.
15. «Полтавский день», Полтава, июль-сентябрь 1916 г.
16. «Приднепровский голос», Кременчуг, январь-декабрь 1913 г., январь-апрель, июль-декабрь 1914 г., январь-февраль 1915 г., март-июнь 1916 г., январь 1917 г.
17. «Раннее утро», Москва, июль 1913 г., январь, май-июль 1914 г.
18. Реєнт О., Коляда І. Україна між світовими війнами (1914–1939): події, люди, документи: нариси історії: навч. посіб., К., 2004, 542 с.
19. «Утро», Харьков, октябрь-ноябрь 1913 г., август 1914 г.
20. «Хуторянин», Полтава, май-декабрь 1914 г., январь-декабрь 1915 г., январь-декабрь 1916 г., январь-февраль 1917 г.

Transformation of socio-cultural processes and public views of provincial society under the influence of the First World War (on the example of the Poltava province)

Summary: The article describes the socio-cultural processes and public views of the Poltava province society formed under the influence of the First World War. The phenomena aroused during the war of 1914-1918 are examined, their influence on fundamental changes in the socio-political, economic and cultural life is investigated. It is noted that at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries the public consciousness of the population of Poltava region represented a complex system of ideas, views, moods and was formed under the influence of cultural tradition and modernization processes. It is demonstrated that the cultural life of the Poltava region at the beginning of the twentieth century was characterized by a wide range of diverse practices both folk-ritual and urban-modernistic ones. It is proved that in wartime conditions a mass culture was formed; its influence spread over a large part of society.

Keywords: Poltava province, socio-cultural processes of a provincial society, First World War, culture of war, historical memory

DOI: https://doi.org/10.34864/heteroglossia.issn.2084-1302.nr11.art20